

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЗА БОРТОМЪ.

(Элегія).

*„Даже и мертвый на кладбищѣ
покоится среди подобныхъ ему
— подумайте, какъ мучительно
живому быть одинокомъ!“*

Луиза Анерманъ.

Тоскливый дождь осени неумолкая, стучитъ въ стекла оконъ и сквозь нихъ ничего не видно кромѣ тьмы, неподвижной и густой. Какъ будто жалуясь на что-то, звучитъ вода, сбѣгая съ крыши, и этотъ унылый звукъ, вмѣстѣ съ тихимъ шумомъ дождя—это все, что напоминаетъ о существованіи движенія и жизни за окномъ, во тьмѣ, скрывшей собою и небо, и землю.

Въ кабинетѣ, уютно убранномъ и освѣщенномъ рабочей лампой, съ зеленымъ абажуромъ, за столомъ, въ глубокомъ креслѣ, лицомъ къ окну, сидитъ человѣкъ, высокой и полу-сѣдой, и не отрывая глазъ отъ тьмы, за стеклами, упорно смотритъ въ нее, большими сѣрыми глазами изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Его взрытое морщинами, сухое, длинное и сѣрое лицо—неподвижно, губы плотно сжаты, и онъ такъ держится пальцами за ручки кресла, точно ожидаетъ, что какая-то сила оторветъ его отъ кресла и броситъ въ эту тьму, навѣвающую на душу холодъ и тоску. Въ окно дуетъ, пламя лампы колеблется, и по стѣнамъ кабинета безшумно ползаютъ странная тѣни—тѣлый міръ безформенныхъ, полупрозрачныхъ, дрожащихъ пятенъ. Онъ такъ дрожать, точно имъ хочется вырваться изъ комнаты туда, за окно, и они не могутъ этого сдѣлать и страдаютъ отъ безсилія...

И человѣкъ, сидящій у стола, порою вопреки смотритъ на нихъ, какъ бы ища

въ ихъ движеніи отвѣта на думы, поглотившія его. Изъ всѣхъ угловъ его комнаты на него смотрятъ темныя глаза одиночества и всѣ предметы вокругъ, погруженные въ полумракъ измѣнили свои контуры и утратили свой обычный видъ. Человѣкъ хотѣлъ бы пойти куда-нибудь, гдѣ болѣе свѣтло и гдѣ есть жизнь; но онъ—человѣкъ тяжелого и необщительнаго характера, онъ никогда не прочь слушать, что говорятъ другіе, но самъ не находитъ нужнымъ много говорить, ибо онъ знаетъ, что слово—слишкомъ бѣдно не только для того, чтобъ точно передать всѣ отѣнки мысли, но и для того, чтобы хоть схематично, оформить эту мысль, не оставляя за нею въ душѣ ничего недосказаннаго, никакой тѣни и осадка. Да и созвѣстно какъ-то говорить о томъ, что сказано (не разъ уже и много разъ сказано гораздо лучше, чѣмъ можно сказать).

Среди людей, въ гостиныхъ, онъ—точно цементъ могъ, его не любятъ за его постоянно сосредоточенный видъ и тѣ холодныя улыбки, которыми онъ отдѣляется отъ попытокъ завязать съ нимъ разговоръ. Онъ знаетъ, что онъ только съ трудомъ терпимъ и что безъ него его знакомые чувствуютъ себя свободнѣе. Онъ знаетъ, что его считаютъ человѣкомъ слишкомъ много думающимъ о себѣ, что на его скептицизмъ смотрятъ, какъ на стремленіе быть оригинальнымъ, что его подозреваютъ въ болѣзненномъ пренебреженіи ко всѣмъ и ко всему, въ маніи величія.

Его не оскорбляетъ все это и онъ далеко отъ желанія разубѣждать людей въ ихъ ошибочномъ взглядѣ на него. Онъ увѣренъ, что все, что люди думаютъ и дѣлаютъ,—вполнѣ достойно ихъ, что человѣкъ медленно измѣняется только время и что никакія доводы разсудка не въ состояніи заставить его измѣнить даже тѣ привычки, которыя завѣдомо вредны ему. Несомнѣнно, что каждый человѣкъ заслуживаетъ все то, чѣмъ онъ живетъ,—но есть люди, которые любятъ быть болѣе несчастными, чѣмъ оп-

редѣлено для нихъ судьбой,—онъ принадлежить къ этой категоріи людей и никого не винить въ томъ, что онъ остался за бортомъ жизни.

Что бы человекъ ни дѣлалъ,—въ концѣ концовъ онъ почувствуетъ въ себѣ широкою пустоту и горько пожалѣетъ о той энергіи, которую онъ растратилъ за свою жизнь; а тотъ, кто, углубяясь въ самого себя, лелѣетъ въ себѣ свое страданіе до конца жизни будетъ чувствовать себя полнымъ мысли и героємъ. Имѣть въ себѣ что-либо прочное—вотъ гарантія отъ нищеты духа и нѣтъ ничего прочнѣе страданія.

Но все-таки онъ пошелъ-бы къ людямъ, все-таки пошелъ-бы, хотя они и не понимаютъ его и хотя онъ понимаетъ ихъ. Обыкновенно они собираются въ группы для того, чтобы лгать другъ предъ другомъ, для того, чтобы говорить о вещахъ, которыя стоятъ далеко отъ будничной жизни, но могутъ позволить каждому блеснуть своими знаніями и умомъ, въ которое время покинуться предъ самимъ собою и другъ предъ другомъ. Это такъ же обычно для всѣхъ компаній, какъ и не искренно.

Эти словесные турниры, сформированный тонъ сужденій, искусственная горячность—все это только праздничные наряды. Ими люди запасаются въ юности и живутъ съ ними часто всю жизнь, не обновляя ихъ, отчего большинство человѣческихъ взглядовъ такъ потрепано и ветхо, такъ пошло и изношено... Какъ и вообще всѣ другіе костюмы людей—ихъ убѣжденія и взгляды должны быть насколько возможно чаще провѣтриваемы и очищаемы отъ плѣсени времени щеткой скептицизма. Это гарантируетъ ихъ свѣжесть на долгое время и объ этомъ слѣдуетъ заботиться каждому, кто хочетъ, чтобы его убѣжденія не превратились въ предрасудки. Не нужно забывать, что каждый предрасудокъ—обломокъ старой истины, но слѣдуетъ помнить, что чѣмъ свободнѣй умъ, тѣмъ богаче человекъ.

Люди забываютъ это и судятъ другъ о другѣ и о всѣхъ явленіяхъ жизни по ша-

блону, пріобрѣтенному ими давно и неразширенному сообразно съ потребностями времени. Жизнь идетъ, она всегда движется—и такъ легко разучиться понимать ее, измѣряя ее старой мѣркой. Люди плохо понимаютъ это, и вотъ почему они не понимаютъ другъ друга, всѣ такъ чужды другъ другу, черствы и такъ мало обращаютъ другъ на друга вниманіе...

...Новсе-таки хорошо умѣть жить съ ними, умѣть быть довольнымъ ими, ихъ рѣчью, ихъ вкусами, ихъ дѣйствіями... Почему это такъ пріятно и почему этого порой такъ страстно хочется?

Любимыя темы ихъ разговоровъ—политика, литература, искусство,—и когда они говорятъ объ этомъ, ихъ еще можно слушать. Но когда темой разговора является человекъ—какъ больно становится за людей! Сколько желчи, ироніи, злобы, непониманія, сколько равнодушія и какъ мало желанія понять, какъ мало тепла въ сужденіяхъ о человекѣ...

А между тѣмъ „истинный шекинахъ—есть человекъ“. Да, именно онъ святая святыхъ, онъ цѣлый міръ, міръ сложный, интересный, глубокой... Выучатся-ли когда-либо люди, если ужъ не понимать, то хоть молча уважать другъ друга? Поймутъ-ли они когда-нибудь, что кромѣ человека—въ мірѣ нѣтъ ничего интереснаго и что только человекъ—мѣра вещей—и творецъ жизни?

Было время—онъ дѣлалъ попытки сблизиться съ людьми, войти въ кругъ ихъ интересовъ и жить какъ всѣ. Но это требовало уступокъ, а на нихъ онъ не былъ способенъ. Приходилось интересоваться тѣмъ, что не интересовало его, слишкомъ часто вужно было кривить душой, для того, чтобы быть какъ всѣ. Тѣ люди, которые присвоили себѣ эпитеты людей порядочныхъ и интеллигентныхъ, слишкомъ увлечены всѣмъ тѣмъ, что можетъ поддержать и упрочить за ними право на эти эпитеты, и вѣчно поглощенные стремленіемъ казаться не тѣмъ, что они есть, равнодушны и холодны другъ къ другу. Жизнь каждого—

тайна для каждаго другого, тайна, которую одни боятся открыть, другіе не хотят отгадать,—и люди живут, соединенные другъ съ другомъ только словами, каждый носитъ въ себѣ цѣлый міръ чувствъ и думъ, болѣетъ ими, живетъ, живетъ и умираетъ не высказавшись. Никто не замѣчаетъ печальной странности нашей жизни, никто не видитъ того, что самъ онъ—неразгаданная загадка— всю жизнь вращается среди такихъ-же загадокъ, и что знакомство человѣка съ человѣкомъ только пустое слово, слово безъ содержанія. Никто никого не знаетъ и не хочетъ знать. Есть вѣсколько словъ, которыми люди опредѣляютъ другъ друга, но когда говорятъ—это человѣкъ умный,—такое опредѣленіе не охватываетъ человѣка, ибо оттѣнки ума слишкомъ разнообразны, какъ и характеръ его дѣятельности. Когда же умъ человѣка слишкомъ изощренъ, или дальновзорокъ или впечатлительнъ—тогда говорятъ—это человѣкъ большой, что также справедливо, какъ было-бы справедливо, сказать о Наполеонѣ— что онъ только солдатъ. Живость ума принимается за легкомысліе, и все что оригинально, носитъ названіе ненормального. Въ общемъ жизнь представляетъ собой картину безумной суеты очень несчастныхъ, очень нищихъ духовъ существъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, и, не понимая другъ друга, торопливо осуждающихъ и опредѣляющихъ другъ друга. Всѣ слишкомъ заняты собой, и каждый стремится показать, что его интересуетъ еще что-то. Показать это нужно для того, чтобъ обратить на себя вниманіе, вызвать по отношенію къ себѣ у другихъ больше хорошихъ чувствъ. И ложь жизни, привычная всѣмъ, какъ воздухъ, все увеличивается и разъединяетъ людей.

Но порой, бываютъ моменты, когда среди людей—такъ хорошо, и жизнь полна чарующей прелести, когда душа полна трепетомъ ожиданія чего-то новаго, вдали будущаго ярко горятъ огни надеждъ. на что-то благородное, великое, и въ душѣ человѣка играетъ ясная радуга страстныхъ думъ и

чувствъ. Эта моменты рѣдки... Но они есть. Они есть и хотя-бы они были только „насъ возвышающій обманъ“—ими можно жить... Но теперь поздно уже возвращаться въ жизнь тому, кто самъ себя выбросилъ за ея бортъ, поздно и не съ чѣмъ. Туда нужно всегда приносить съ собой что нибудь, а онъ что принесетъ? Свои полусѣдые волосы и темныя думы и недоувѣріе къ людямъ. Съ этимъ плохо примутъ.

Остается сидѣть здѣсь одиноко и слушать скорбный шумъ осенняго дождя, и ждать того дня, когда выѣстъ съ солнцемъ и воздухомъ, которые принесутъ для тысячъ людей жизнь и счастье, возможное на землѣ, къ нему явится смерть. Она придетъ и однимъ дыханіемъ сотретъ изъ книги жизни одну изъ ея страницъ,—человѣка. Эта страница вся сплошь исписана событіями и думами, на ней много можно-бы прочитать интереснаго... Но она исчезнетъ непрочитанной и чѣмъ, исчезнетъ, не оставивъ за собой въ жизни никакой тѣни, ни какого воспоминанія...

— Зачѣмъ же нужно было мнѣ родиться, жить, такъ много думать, такъ много знать, и внутренно гордиться собой за то, что я, стоя въ сторонѣ отъ жизни, видѣлъ ее глубже другихъ, изучилъ подробности и... теперь хотѣлъ-бы погрузиться въ нее, насытиться ея шумомъ, вдыхать ее въ себя всѣми порами, быть такимъ-же тупымъ, узкимъ и пошлымъ, какъ большинство людей, жить съ ними ихъ чувствами, говорить ихъ словами, дѣлать все, что они дѣлаютъ и, какъ они, незамѣтно для себя приближаться къ смерти, встрѣтиться съ ней и—угаснуть. Зачѣмъ, кому нужно было все это? И вообще—кому нужна жизнь каждаго человѣка? Цвѣты, разцвѣтая и увядая, радуютъ глазъ человѣка—можно думать, что это ихъ назначеніе. Но человѣкъ живетъ, обогащается опытомъ, съ каждымъ днемъ становится все полнѣе и внутренно богаче—въ чѣмъ-же его назначеніе? Для кого онъ живетъ и вѣчно созидаетъ и уходитъ въ землю съ землѣ, оставляя всѣ свои труды въ наслѣдіе ос-

тавшимя, которые тоже исчезнуть въ назначенный для нихъ? Зачѣмъ вообще но жить?

Тоскливый дождь осени не умолкая чить въ стекла оконъ и сквозь нихъ го не видно кромѣ тьмы, неподвижной стой. Человѣкъ упорно смотритъ въ своими сѣрыми глазами, и морщины цѣ его вырѣзываются все глубже. К на стѣнахъ комнаты все колеблется молвно и таинственно, точно живые іерофы, рассказывающіе смутную исторію нокой и отверженной, гордой и слабой ловѣческой души.

Человѣкъ цѣико держится своими су пальцами за ручку кресель и сидитъ изваяніе, подавленный своей тоской, ли къ лицу съ безмолвной тьмой осенней. Сидитъ и чувствуетъ, что онъ только вѣкъ и что тайны бытія небъемлемы его и недоступны его пониманію. Ему жизни, которая идетъ въ сторонѣ отъ и съ которой теперь у него нѣтъ

слиться. И всѣ думы, отягачавшія его мозгъ, сливаются въ концѣ концовъ одинъ простой и ясный, оскорбительно стой и обидно ясный вопросъ.

— Зачѣмъ я счелъ себя умнѣе, по нѣе, сильнѣе духомъ всѣхъ остальныхъ дей и не умѣлъ установить съ ними ной связи, не умѣлъ жечь среди нихъ ... Дождь стучитъ въ окна и тьма рить въ нихъ.

— И вотъ я прожилъ мою жизнь для того, чтобъ убѣдиться въ моей и думая три десятка лѣтъ, додумалъ ко до ирэнїи вопроса—зачѣмъ я счелъ лучше другихъ?

Дождь и тьма...

— Да, жизнь умѣетъ наказывать того, не хочетъ служить ей...

По стѣнамъ комнаты безмолвно движутъ голупрозрачныя тѣни. Всюду одиночество. И вода, стекающая съ крышъ звучитъ, какъ реквиемъ...

М. Горькій